

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА

ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

“NUESTRO PAIS”

SEMANARIO MONARQUICO BUENO

Registro Nacional de Propiedad Intelectual No. 911888

Editor-Director
VSEVOLOD DUBROWSKY

Casiña de Correo 2847

Buenos Aires

Argentina

Correo
Argentino
Suc. 30 (B)

FRANQUEO PAGADO

Concesión No. 4233
Concesión No. 3980

INTERES GENERAL

AÑO XIX

Buenos Aires, martes, 25 de octubre de 1966

Буэнос Айрес, вторник 25 октября 1966 года № 873

АЛЕКСЕЙ РОСТОВ

НА РОДИНЕ

305. ПОСЛЕДНИЕ СОБЫТИЯ ВОЙНЫ ВО ВЬЕТНАМЕ. — ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЕ ЗАТРУДНЕНИЯ МАСКИРУЮТСЯ ГРОМКИМИ РАПОРТАМИ О ПЕРЕВЫПОЛНЕНИИ ВСЕХ ПЛАНОВ. — УВЕЛИЧЕНИЕ КОЛИЧЕСТВА ГОРОДОВ, ДОСТУПНЫХ ДЛЯ “ОРГАНИЗОВАННОГО” ПОСЕЩЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ ТУРИСТОВ. — ЛЖИВЫЙ КОНЕЦ РОМАНА БОРИСА ПОЛЕВОГО “ДОКТОР ВЕРА”. — НАЗНАЧЕНИЕ В ГОРЬКИЙ СМЕРЕННОГО ЕПИСКОПА ФЛАВИАНА (ДМИТРИЮКА), УВОЛЬНЕНИЕ НА ПОКОЙ МИТРОПОЛИТА АНТОНИЯ ТУЛЬСКОГО, ГНУСНАЯ ЧЕКИСТСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ НОВОПОСТАВЛЕННОГО ЕПИСКОПА ИОАННА, ОТКРЫТИЕ ПРАВОСЛАВНОГО ГОСПИТАЛЯ СВ. ГЕОРГИЯ В БЕЙРУТЕ И ДРУГИЕ СОБЫТИЯ В ЖИЗНИ ПАТРИАРХИИ. — КОНЧИНА ИЗВЕСТНОГО ПАЛЕОНТОЛОГА АКАДЕМИКА ЮРИЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА ОРЛОВА.

События во Вьетнаме все больше осложняют американскую и советскую политику. Президент Джонсон продолжает унижаться перед Громыко, умоляя его в обмен на всякие уступки экономического характера согласиться оказать влияние на Ханой, обещая, что Соед. Штаты всячески поддержат коммунизм в Сев. Вьетнаме, если прекратятся попытки посылкой целых дивизий коммунизировать Южный Вьетнам. Гапа послал влиятельного монсиньора убедить католических епископов сговориться с буддистами о мире в Южном Вьетнаме. Его посланец проповедывал мир и экуменическое согласие на юге; но не посмел даже на словах осудить зверские убийства католиков и буддистов коммунистическими партизанами и регулярными войсками Сев. Вьетнама. Одновременно с приговорами Джонсона к полету на Манильскую конференцию союзников по борьбе против коммунизма во Вьетнаме министр обороны Мак Намара в Сайгоне обещает защитить свободу в Южном Вьетнаме, но сохранить коммунизм в северной части единой страны.

Интересно, что в самом правительстве генерала Ки намечается борьба двух течений: антикоммунисты — уроженцы Юга приветствуют заявление Мак Намара: скорее бы кончать войну, добиться ухода коммунистов на свой север и с помощью антикоммунистических беженцев с Севера создать преуспевающий Южный Вьетнам, забыв порабощенных братьев на Севере. Но другие, как генерал авиации и премьер-министр Ки, потерявшие своих зверски замученных родных при своем бегстве в 1954 году на Юг, мечтают о свержении коммунистического ига на Севере и объединении родины в одно цветущее свободное государство, отбросив коммунизм к границе Китая.

Американцы слишком трусливы, чтобы внять советам генерала Ки, ибо смертельно боятся новой мировой войны, а потому хотят на века вечные сохранить разделение не только Вьетнама, но и Кореи и Германии на две части.

СССР пожертвовал бы Южным Вьетнамом, но не смеет этого сделать, ибо боится этим подтвердить пекинское обвинение в измене коммунизму, а потому усиливает помощь Ханюю и ведет антиамериканскую словесную войну в своей печати. Слишком опасно для СССР в чем-либо кому уступить. Хрущев пошел на смелый и ошибочный шаг, увидя советские гарнизоны из Австрии. Но жалкие холопы, свергшие Хрущева, на это не пойдут. Один народный монархист сообщил мне на днях о встрече в одном западном городе с инженером крупного завода в Приморской области и тот

между прочим говорил собеседнику, что население с тревогой ждет развертывания событий на китайской границе. По обе стороны этого рубежа не только гарнизоны, но и все население фактически находится на военном положении, в состоянии боевой тревоги. Интересно отметить, что советские газеты распускают слухи о повсеместных восстаниях в Китае против диктатуры Мао Дзе, подражая в измышлении этих сенсаций англо-американской печати. Сейчас передают, что не только Мао Дзе, но и его преемник и правая рука Лин Пиао оба тяжело больны и вот-вот умрут, что не объясняет, почему эти ярые сталинцы являются победителями во внутрипартийной борьбе в правящих в Китае кругах. Западная печать по глупости убеждена, что в Южном Вьетнаме большинство недовольно правительством и сочувствует коммунизму, а на Севере все обожают коммунизм и преданы Хо Ши Мину, как в Китае все ненавидят, якобы, Мао Дзе, но на нашей несчастной родине все население также обожают Брежнева, как обожают, по данным западных “советологов”, Хрущева накануне его позорного падения. Мельчают советские вождя: раньше стрелялись при аресте, как Гамарник, Любченко, Червяков; другие не калялись, как Троцкий или Иоффе; затем соглашались на свое увольнение, как Маленков или Каганович, но Хрущев был первым, который на заседании Пленума, лишившего его власти, ревел белугой и умолял изменить формулу своей ликвидации: “по болезни”, а не “по неспособности” или “из-за политических ошибок”. Посмотрим, с какой формулировкой расчитают Брежнева или Косыгина, вяляющего хвостом между Вашингтоном и

Пекином. Последовавшее 14 окт. разрешение Джонсона на экспорт многих требующихся СССР товаров в результате беседы с Громыко теперь не позволит Брежневу отрицать, что какой-то сговор состоялся. Ленин мог принять Брестский трактат и сговор с Германской Империей, Сталин не боялся против воли своих безвольных рабов сговориться в 1939 году с Гитлером, но Брежневу страшно сознаться, что сговаривается с Джонсоном, когда бомбит пригороды Ханоя, а Мак Намара обсуждает в Сайгоне планы скорейшего достижения победы.

Поступающие из верных источников сведения говорят о серьезных продовольственных затруднениях, к которым впрочем наши горемычные земляки давно привыкли, но советская печать полна сообщений об успешной уборке богатого урожая. Газеты также полны награжденный орденами уже не директоров, а самих заводов за перевыполнение плана. Много лет кричали о паразитических успехах автомобильной промышленности, а теперь наняли итальянцев строить автозавод в Тольятти на Волге, заключают другой контракт с “Рено” и ведут переговоры с Фордом, словом, ищут “варягов”, которые создали бы современную автопромышленность. Но хуже всего обстоит дело с питанием населения вне тех центров, куда пускают иностранцев. Впрочем тех, кто ездит в сопровождении чекистов-переводчиков и “групповодов” стали катать по еще невиданным ими городам.

У меня под рукой новый список тех городов, куда при желании могут поехать при надлежащем сопровождении иностранные туристы. Сообщаю его для тех, кто пожелал бы этим воспользоваться, а затем нашел бы способ на часок-другой отделиться, чтоб повидать близких: Москва, Ленинград, Новгород, Орел и в Сибири Иркутск, Братск, Хабаровск, порт Находка; Владимир, Тула, Ярославль, Никель на Урале, затем на Украине Киев, Одесса, Полтава, Винница, Львов, Ужгород, Черновицы, столицы союзных республик — Таллин, Рига, Тбилиси, Ташкент с Самаркандом, Кишинев, в Крыму Севастополь, Бахчисарай, Ялта, на Кавказском побережье Сочи, Ереван с озером Севан, Баку с новым курортом Гянджлик. Но самостоятельно проехать одному туристу в эти города не позволяют, а за малейшее нарушение маршрута грозит карамн новый закон, утвержденный 3-го августа (см. “Нашу Страну” № 866 от 6-го сентября стр. 2).

В номере 6-м журнала “Знамя” (стр. 112-154) помещено окончание романа Бориса Полевого “Доктор Вера” (о первых двух частях см. “Нашу Страну” №№ 855 от 21-го июня и 870 от 4-го октября). Рассказ начинается с того, как раненые советские солдаты и прятывшиеся в госпитале под видом раненых партизаны открывают огонь по отступающим из города в панике немцам и приветствуют наступающие советские авангарды. Прежние врачи возвращаются в госпиталь, но не всякий из них приветствует Веру. Многие не хотят ей руку подавать за то, что не бросила своих раненых и осталась работать при немцах. Она приходит в дом своего повешенного немцами свекра; вернувшаяся его дочь согласно принять внуков покойного, но выгоняет Веру “за дружбу с Фрицами”. Только узнав детали казни своего отца, Татьяна согласна ее оставить. Но в ту же ночь Веру арестовывают. В камере она сидит с подмазанной женой советского офицера, которая не успела эвакуироваться и с голоду стала немецкой “подстилкой” и с артисткой Ланской, которая отказалась от эвакуации с немцами, боясь, что в Германии не оценят ее дарований драматической артистки и пошлют работать на завод. Отмечу от себя, что Полевой скрывает от советских читателей существование “Винеты”, которая организовала работу по специальности не только певцам Жадану и Печковскому (погибшему за это в сов. концлагере), Блюменталь-Тамарину, но и сотням мелких артистов, балерин, фокусников, которые обслуживали лагерь военнопленных и “остарбейтеров”. Четвертой в камере сидит избитая при аресте работницами работница Кислякова, которая с другими работницами прятала детей инженера Блитштейна, но потом выдала их немцам, чтоб присвоить себе вещи Блитштейнов, которые те сдали ей на хранение. Надо добавить, что в тюрьму доктора Веру доставили на грузовике вместе с “попиком”, который старается угнать конюю и его разжалобить. Но доктору Вере “попика не жалю, он ведь соевал крест партизанам перед их повешением”. На грузовике везут с ними и арестованных полицейских, из которых один соскакивает на ходу и ломает себе ногу. Его избивают, несмотря на его крики, и везут в тюрьму. В камере за ними наблюдает надзирательница — “здоровенная красивая бабища с таким бюстом, что китель на ней трещит”. Допрашивает Веру следователь Кожемякин, в прошлом футболист, который требует признания в том, что немцы оставили ее в городе, как резидента Гестапо. Основания — не только, что ходила в командатуру за аусвайсом, но и с артисткой Ланской была принята комендантом, затем, что тот пригласил ее присутствовать при казни партизан, причем ее поставили среди немецких офицеров, собравшихся смотреть на казнь, а комендант при публике поцеловал ей руку. Другой следователь Петров напоминает, что ее муж, секретарь Горкома, был арестован в ежовщину. Она говорит, что муж невинен, и это прибавляет новый пункт обвинения — критика вынесенных НКВД приговоров и защита мужа — врага народа. Ее возвращают в камеру, где отравляется таблетками веронала артистка Ланская после очной ставки с ее любовником членом Горсовета и депутатом артистом Винокуровым. Оказывается, что он остался в городе из любви к ней, при аресте “сознался”, что остался в качестве резидента Гестапо, как и Ланская и доктор Вера. На очной ставке он повторяет обвинения против Ланской. Следователь

ДЕНЬ НЕПРИМИРИМОСТИ

В воскресенье, 6-го ноября 1966 г., в зале Центра Русских Белых

(Карлос Кальво 2851)

по случаю Дня Непримириности состоится

Большое Собрание

при участии аргентинцев — друзей национальной России.

Центр Русских Белых приглашает русских людей посетить это Собрание и этим присоединиться к протесту против антинародной и безбожной коммунистической партии, насильно захватившей власть в России.

Начало в 17 часов.

Вход свободный.

оставляет их вдвоем, чтоб он, ее уго-ворил "сознаться": он говорит ей, что со страху "сознался" и оговорил ее, чтоб их вместе казнили: так никто не сможет после него ее полюбить.

После самоубийства Ланской Веру скоро выпускают по требованию укрывавшихся в ее госпитале партизан и особенно влюбленного в нее командира всего партизанского отряда, полковника Сухохлебова, который теперь назначен формировать из партизан и диверсантов "верхневолжскую орден Красной звезды Гвардейскую дивизию". Все врачи чувствуют Веру, предлагают ей пост главного врача большого госпиталя, но она идет врачом-хирургом на фронт. Конечен счастливый, как в старинных водевилях: на фронте она получает кучу орденов и принята в партию. Муж, конечно, реабилитирован и теперь они счастливо живут вместе в родном городе: муж персональный пенсионер (можно догадаться, что пробыл в ужасающих условиях концлагеря около 20 лет, то есть с 1937 года до хрущевской реабилитации в 1957 году). Конечен романа совершенно лжив: немцы везде эвакуировали в первую очередь госпитали с ранеными военнопленными и не стали бы его оставлять, затем при всей их доверчивости они не допустили бы превращения госпиталя в вооруженный опорный пункт для выступления партизан. Вообще ни в одном городе партизаны не поднимали восстания при германском отступлении. Наконец, не так называемы были артисты типа Ланской и Винокурова, чтоб оставаться на расправу чекистам. Интересно бы получить отклик на эту мою статью кого-нибудь из читателей-твердых, кто был в период оккупации в Твери.

Среди советского епископата продолжается процесс удаления на покой старых иерархов с заменой их молодежью, вышедшей из Духовных Академий послевоенных лет. После недолгого управления важной Горьковской митрополитией митрополитом Пименом Крутицким на эту кафедру переведен из Свердловска Флавиан (Федор Игнатьевич Дмитрюк), один из самых незаметных и полудоуальных иерархов. Он родился в 1895 году в Белоподляском районе восточной Польши и окончил в 1915 году Холмскую семинарию по первому разряду, поехал священствовать в село, но почти сразу был эвакуирован при приближении к Холму германской армии летом того же года, устроился в Москве священником женского монастыря-подворья при Даниловом кладбище, где, согласно официальной биографии, пробыл до 1955 года. Не совсем понятно, почему он в своей речи при наречении в 1958 году упомянул, что при германской оккупации в 1943 году потерял за полгода пять членов семьи. Это может означать, что после оккупации Холмщины советскими в 1939 году он вернулся туда, ибо нечего говорить о жертвах оккупации, если бы он оставался в это время в Москве. Затем надо отметить в его речи характер этих слов: он не говорит, что их убили немцы или что они умерли от лишения или гонений, а потому можно допустить, что они могли пасть от руки советских партизан или погибнуть от эпидемии или просто естественной смертью, а тогда оккупация не при чем. Почему-то в 1955 году он принимает постриг с именем Флавиана в Почаеве, что подтверждает мои предположения, что он покинул Москву в 1939-40 г. г., когда советчики занимали Холмщину. В 1957 году переведен в Троице-Сергиеву Лавру, где 20-го апреля 1958 года хиротонисан во епископа Свердловского и Курганского в возрасте 63 лет. 8 лет скромно занимал он кафедру в этом самом безобразном городе, в котором еще с 1935 года не было ни одного храма на полмиллиона населения, теперь достигающее миллиона, где никто не смеет упомянуть новую святыню — подвал Ипатьевского особняка. Поражает, что этот старец, которому минуло 71 год, не возведен еще в архиепископы, не получал никогда наград, не вызывался заседать в Синоде и вообще как-то не поминался за 8 лет архиепископского служения. Теперь он с 7-го июля сего года переводится в Горький без возведения в архиепископа, хотя старше по служению и возрасту таких архиепископов, как Сергей Новгородский или Сергей Минский, не говоря о митрополите Никодиме Ленинградском. Видимо, ему мешает отсутствие академического обра-

зования и неумение выдвигаться в Москве.

Свердловскую епархию с трехмиллионным населением временно будет блюсти проживающий по соседству архиепископ Леонид Пермский и Соликамский (53-летний Лев Львович Поляков, впрочем по специальности, в прошлом Председатель Хозяйственного Управления Патриархии).

Одновременно увольняется на покой "согласно поданному прошению с назначением соответствующей пенсии" несчастный митрополит Антоний Тульский и Белевский, пребывавший "на покое" много лет, затем почему-то (возможно по выходе из заключения) назначенный в марте 1964 года в Иваново, а оттуда в январе с. г. переведенный в Тулу. Его изможденный вид на снимках 1965 и 1966 г. г. говорит о нелегких переживаниях. На его место в Тулу переводится из Вены 39-летний епископ Варфоломей (Николай Николаевич Гондаровский) из типа митрополита Никодима; пострижен в 1954 году и прошел стаж всех "надежных" советских иерархов, то есть был в 1960-61 г. г. зам. нач. Духовной Миссии в Иерусалиме в сане игумена, затем нач. миссии в 1961-63 г. г. в сане архимандрита, как были оба Никодима Ленинградский и Буэнос-Айресский и Ювеналий Зарайский.

На его место в Вену выехал для временного управления епархией Тегельский викарий Средне-Европейского Экзархата Иоанн (Кололович), хиротонисанный незадолго до командировки в Вену, где, возможно, останется как знаток положения русской Церкви в Чехословакии, Венгрии и Югославии.

4-го февраля состоялась в Московской Духовной Академии защита новым епископом Сызранским Иоанном (Снычевым) диссертации на тему "Церковные расколы в Русской Церкви 20-х и 30-х годов XX столетия", но только в августовском номере "Журнала Моск. Патриархии" дан отчет об этой защите с кратким изложением диссертации, которая делится на 4 части: "григорианский" раскол, "носифлянский раскол", "викторианский" и "даниловский". Автор отмечает, что обновленцы представляли из себя левое течение, враждебное взявшему власть митрополиту Сергию, а все вышеперечисленные "расколы" были "правыми" расколами.

Хорошо зная борьбу против компромисса митрополита Сергия Старгородского с советским правительством, утверждаю, что автор диссертации неправильно видит в архиепископе Григории Екатеринбургском (Яцковском) "правую оппозицию". Это был просто темный авантюрист пытавшийся захватить власть при поддержке тогдашнего ОГПУ. Но согласен в том с епископом Иоанном, что григорьевцы и обновленцы были жалкой кучкой, ликвидированной в 1943 году по приказу Сталина после сговора с Сергием о создании патриаршества для поддержания богоборческой диктатуры. Эти агенты ОГПУ, а потом НКВД получили приказ от этого учреждения ликвидироваться и принести покаяние во главе с гнуснейшим чекистом Сергием (Лариным), ныне архиепископ Ярославским. Аморальные атенсты-чекисты изобразили обновленчество и "григорианство", а теперь с прежними функциями вошли в клир Патриархии.

Согласен с оценкой диссертантом "носифлянского раскола", к которому я сам принадлежал: "личность митрополита Иосифа служила лишь поводом для названия. Сущность раскола выражалась в отрицательном отношении к тому курсу, который проводил митрополит Сергей". Диссертант винит нас в том, что "не сумели понять", что надо поддерживать богоборческое правительство, что "радости" этого правительства являются радостями православных христиан, а "неудачи" Сталина "неудачами возглаголемой Сергием церкви". Но в отличие от обновленцев и григорьевцев наша, "носифля", позиция имела глубокие корни в народе, несмотря на трудности общения между нами. Владыка Иоанн сам себя опровергает: он жмет, что митрополит Иосиф пробыл в Ленинграде всего три дня. После очередной ссылки он вступил в управление митрополитией и правил несколько месяцев: помню, как в праздник Св. Кн. Александра Невского в августе 1927 года он служил с восемью преданными ему епископами в Александро-Невской Лавре. В диссертации сказано, что он не под-

чинился приказу митрополита Сергия о переводе его в Одессу и пытался управлять митрополитией из... Ростова. Тем самым автор проговаривается, что за неповиновение Сергию, которому он отказался повиноваться после этой пресловутой декларации, митрополит Иосиф был арестован в Ленинграде и выслан в Ростов-Великий. Нечего, значит, его упрекать в отказе поехать в Одессу, когда он был сослан в Ростов. Циничны слова епископа Иоанна: "Митрополит Сергей наложил церковное запрещение на раскольников. В 1930 году "носифлянский" раскол прекратил свое существование". На самом деле в ноябре 1929 года были арестованы почти все священники-"носифляне" во главе с епископом Дмитрием Гдовским (Петровых), которого я увидел раз вечером на дворе Ленинградского Дома Предварительного Заключения в июле 1930 г., когда с другим заключенным нашей общей камеры 3-го корпуса выносил большой ящик с мусором в сопровождении надзирателя. Через месяц расстреляны прот. Сергей Тихомиров и священ. Николай Прозоров, а все прочие разосланы по концлагерям (см. мою статью во втором томе труда "Новомученики Российские" протопр. М. Польского, стр. 129-144). Но это было не прекращением существования "носифлянского" раскола, а переходом его в потаенную форму существования. Свидетельства "Спутника агитатора" и других коммунистических антирелигиозных трудов честнее архиерейской диссертации свидетельствуют, что "носифляне" существуют и по сей час в 1966 году, хотя погиб митрополит Иосиф, епископ Дмитрий и все власти известные их последователи-епископы были расстреляны в 1938 году. Лгать, как это делает епископ Иоанн Снычев, говоря, что "раскол" прекратил свое существование, это то же, что было бы сказать, что после казни святых первоапостолов и первого гонения в Риме при Нероне христианство "прекратило существование". Непонятно, кого обманывает епископ Иоанн? Ведь органы госуд. безопасности и антирелигиозные пропагандисты знают, что он солгал.

Он верно говорит, что "расколы" митрополита Агафангела Ярославского, епископа Виктора Вятского и "данилова монастыря" в Москве имели те же причины, что "носифлянский" и полагали в основу своего расхождения с митрополитом Сергием проводимую им церковную политику сотрудничества с богоборческой властью и опоры на органы госуд. безопасности. О последнем он впрочем умалчивает, но вся борьба Московской Патриархии, а раньше митрополитии против "носифлян" и слившихся с ними однородных "викториан", "даниловцев" и других местных групп сводится не к церковным диспутам, а к политическим доносам в органы полицейской расправы. Фактически с 1930 года, а формально со сговора Сергия со Сталиным в годы войны принадлежность к потаенной Церкви — повод к аресту, а в розыске "носифлян" или, как их теперь называют, "истинно-православных тихоновцев" чекистам помогает духовенство московской патриархии.

Официальные оппоненты на защите проф. по кафедре церковной истории И. Н. Шабатин и проф. канонического права В. И. Талызин хвалили автора за то, что он первый изучил историю "правых расколов", ибо до сих пор изучали лишь "левое" обновленчество. Они отметили, что "основным источником для диссертации послужил богатый архив, собранный б. Куйбышевским митрополитом Мануилом, который сам был активным участником борьбы с расколами". Я лично очень уважал епископа Мануила в период его борьбы против обновленчества и помню его еще молодым иеромонахом-священником церкви приюта для слепых в Ленинграде. Но потом он отошел от нас и по возвращении из Соловков поддерживал наших гонителей. Верно пишет о нем протоиерей М. Польский в своем труде "Каноническое положение высшей церковной власти в СССР и заграницей", 1948 год, на стр. 41: "среди нового епископата из "бывших на покое" (так патриарх Сергей называет заключенных) мы находим из первого состава твердых и непримиримых только епископа Мануила Лемнишевского. Должно быть и такое падение". В своем отзыве на диссертацию проф. Шабатин считает лучшей частью раздел: "Конечная судьба но-

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

МИТРОПОЛИТ ФИЛАРЕТ

Нам пишут из Нью Йорка:

Первоиерарх Русской Зарубежной Церкви, митрополит Филарет, выехал из Нью Йорка в Сан Франциско. Он пробудет в Калифорнии до половины ноября с. г. и вернется в Нью Йорк к открытию епархиального собрания восточно-американской епархии. Это открытие назначено на 20-е ноября.

АРХИЕПИСКОП НИКОН

Нам пишут из Нью Йорка:

В католическом соборе св. Патрика в Нью Йорке, в присутствии 6 тысяч человек, состоялось торжественное возведение шестерых епископов в учрежденный Ватиканским Собором новый сан епископов-викариев, облеченных особыми полномочиями по управлению частями епархии. До сих пор такое церковное торжество состоялось только в Риме. Возглавленное кардиналом Спелльманом торжество в Нью Йорке было вторым в истории Католической Церкви.

По приглашению кардинала, в торжестве участвовало двое православных, один англиканский и два протестантских епископа. Вместе с католическими епископами, они приняли участие в предшествовавшем богослужению крестном ходе.

Перечисляя участников торжества, "Нью-Йорк Таймс" по ошибке сообщил, что одним из православных иерархов был греческий епископ Сила, принадлежавший к юрисдикции вселенского патриарха и его экзарха в Америке, а вторым — архиепископ Никон (Рклицкий), якобы, представлявший Русскую Зарубежную Церковь. В действительности, в екуменическом торжестве участвовал архиепископ бруклинский Никон (Граве), принадлежащий к иерархии русской православной митрополитии в Соединенных Штатах и Канаде, не входящей в состав Зарубежной Церкви.

В. Я. ТАРСИС

Нам пишут из Нью Йорка:

В. Я. Тарсис прилетел в Нью Йорк из Греции, где, вопреки некоторым газетным сообщениям, греческое правительство не признало его греком и не пожаловало ему греческого подданства.

В Св. Серафимовском православном храме в Нью Йорке состоящий в юрисдикции американской митрополитии протоиерей Александр Киселев повенчал 60-летнего Тарсиса с 20-летней швейцарской гражданкой Ханной Дорман.

Венчание состоялось несмотря на полученное русскими газетами в Нью Йорке сообщение Архива РОА о том, что в СССР не было писателя Валерия Яковлевича Тарсиса, но был писатель Венямин Яковлевич Тарсис.

До своего венчания с Х. Дорман Тарсис сделал попытку обвенчаться с югославской гражданкой Марией Михайловой, сестрой известного югославского писателя, публициста и оппозиционного деятеля Михаила Михайлова.

Мария Михайлова проживает в Соединенных Штатах и учится в одном из американских университетов, как югославская студентка, получившая стипендию. Тарсис сделал ей предложение, когда впервые приехал в Америку. Это предложение было Михайловой принято, но, после отъезда Тарсиса в Грецию, ее друзья убедили ее отозваться от брака с Тарсисом. С Ханной Дорман Тарсис познакомился за несколько дней до венчания.

ДЕНЬ НЕПРИМИМОСТИ

Нам пишут из Сан Франциско:

6-го ноября с. г. в Русском Центре состоится собрание, посвященное Дню Непримируемости — сорок девятой трагической годовщине порабощения России большевиками.

сифлянского раскола". Там указано, что еще в 1929 году к нему присоединились сельские приходы, но потом их больше не стало. Это ясно, ибо носифляне не могли бы получить прихода, а потому создали сеть потаенных церквей, неизвестных не только проф. Шабатину, но и органам гос. безопасности. Шабатин говорит, что "ядро идеологии раскола — его негативизм в отношениях с ок-

ружающим миром (т. е. с обкомами партии, исполкомами, управлениями государственной безопасности и органами нового министерства охраны общественного порядка, расшифруем мы) и непонимание исторических судеб Церкви и народа". Но жжет проф. Шабатин, говоря: "не дал результата призыв митрополита Антония (Храповицкого) к иосифлянам в июле 1928 года присоединиться к Карловацкому Синоду — зарубинному самочинному объединению раскольнического епископата".

В опровержение этого последнего утверждения могу сказать, что все мы молились за наших потаенных епископов и за нашу Зарубежную Церковь. Недаром, не сговариваясь, все принадлежавшие к потаенной Церкви в России, оказываясь в свободном мире, сразу входили в эту Церковь. Лично я, понав в годы войны в свободный мир, знал, что молиться можем лишь там, где поминуют митрополита Антония, о блаженной кончине которого я лично до появления на Западе в 1943 году не знал. Лживая диссертация епископа Иоанна совпадает с другими лживыми утверждениями советских епископов, которые объясняют закрытие семинарий отсутствием денежных средств для их содержания. Один даже дошел до того, что заявил, что правительство СССР могло бы вернуть "для культа" Казанский собор в Ленинграде, но митрополит не имела бы средств на его содержание. Между тем митрополит Никодим присутствовал на открытии в Бейруте прекрасного оборудованного православного госпиталя во имя Великом. Георгия Победоносца, заложенного 6 лет назад патриархом Алексием. Перед главным фасадом огромного здания, которое поразило всех посетителей Бейрута, стоят два больших бюста на постаментах — патриарха Алексия и советского сотрудника Ливанской компартии митрополита Бейрутского Илиа Салиби. Так снискаемый честолюбивым патриархом еще при жизни себе воздвигает памятник. Самое усовершенствованное медицинское оборудование несомненно получено от мнн. здравоохранения СССР, но спрашивается, как жалующаяся на отсутствие средств для духовных семинарий или ремонт храмов Патриархия нашла денежные средства на постройку и оборудование госпиталя?

Интересно отметить, что на торжественном акте по случаю окончания учебного года в Одесской семинарии 14-го июня с патриархом присутствовали находящиеся на покое б. митрополит Чехословакии Иоанн и б. архиепископ Калужский и Боровский Онисифор (Пономарев, род. в 1881 году, свящ. с 1906 года, хирот. в 1945 году) и многолетний еще с хиротонии любимый келейник Патриарха заместитель председателя Хозяйственного Управления Патриархин Д. А. Остапов, которого в Синоде шутливо называют "Данило Московский и вся Русь".

3-го октября скончался знаменитый палеонтолог-гистролог директор Палеонтологического Института академик Юрий Александрович Орлов. Он родился в 1893 году, окончил Петроградский университет в 1917 году, был профессором Ленинградского университета в 1933-1943 г. г., затем Московского до кончины, Директор основанного им Палеонтологического Института с 1946 г. Известен во всем ученом мире своими трудами по сравнительной анатомии нервных систем позвоночных и беспозвоночных ископаемых. Никогда не был коммунистом, всецело отдаваясь науке, был, и, надеюсь, остался верующим православным христианином и монархистом до конца своих дней. Таких немало среди советских ученых академиков и профессоров, причем чем дальше стоит их наука от политики, тем легче ученому держаться подальше от всяких кувырканий перед ЦК партии. Помню, как уже при наличии ученой степени меня в Беломорском концлагере спасли от тяжких в январскую службу трудов каменотеса на укладке и обтеке каменной трассы канала тем, что командировали на курсы коллекторов геологических партий по обследованию дна трассы. Тогда мне советовали "переключиться" на геологию, ибо геолог на изысканиях далек от политического контроля, а в лесу наедине особенно легко и сладостно молиться Богу. Но судьба моя сложилась иначе...

А. Горбунов

Воплощенный марксизм - ленинизм

49 лет тому назад на российских просторах был насильно насажден марксизм-ленинизм. И, конечно, следует проследить почти полувековое господство этой теории и ее воплощение в жизнь многомиллионного народа.

Больше чем сто лет тому назад, в тридцатых и сороковых годах прошлого столетия во Франции родился социализм. Это был, так называемый, утопический социализм, явившийся плодом творчества социалистов: Сен-Симона, Фурье, Пьера Леру, Жорж Занд и других — людей не церковных, но романтически-христиански настроенных. Им казались созвучны люди из Католической Церкви: священники Ламение, Лакордер и др. В этой мечтательной, но религиозной среде и родился ранний социализм, который впоследствии Маркс перевел на материалистические рельсы. Марксом был обретен готовым и социалистический идеал и его этическое обоснование, созданного в христианских, хоть и секулярных кругах, социализма. И вне этой, по существу христианской, заданности из экономического материализма ни в каком случае нельзя было бы создать социалистического идеала.

С самого своего начала социализм имел уже двойственный облик. Он имел и черты авторитарного мировоззрения, отрицая и буржуазию и революцию, которая его привела к власти. Таким был социализм утопий. Но исторический социализм сформировался как левый флаг революционного движения. И еще в сороковых годах социалисты боролись вместе с буржуазными демократами. Провозглашая равенство, социалисты не отвергали и свободы. И из революции они хотели сделать главные выводы: экономическое равенство и свобода для всех.

Маркс стоял посредине между революционным и реакционным руслу социализма. Искренне ненавидя идейное содержание буржуазной революции: свободу, равенство и братство, — он всецело принимал ее разрушительные постулаты. Но Маркс в то же время совершенно не интересовался строительством жизни. Он даже намеком не указал каков будет осуществленный социализм. Единственным смыслом его жизни было разрушение, вернее говоря, построение мощных разрушительных сил. То, что сделал Маркс с социализмом,

Вообще в концлагерях много утешения дает дружба верных друзей, хотя бы различных политических убеждений. Гомню, как по прибытии в концлагерь на Лей-Губу меня подкармливал на кухне мой приятель по дому предварительного заключения в Ленинграде бывший повар британского консула Грестона, отбывавший три года за мнимый шпионаж в пользу Великобритании. Он звал меня работать на кухню, говоря: "надо Вам "переключиться" на повара. Ведь профессором Вам после концлагеря все равно не позволят работать, а после моей вылучки всюду Вас возьмут поваром и в "Нарпит" (союз работников народного питания) пройдете. А потом хорошо заживете — ведь когда у нас настоящий коммунизм построят, так только одни повара будут сыты". К нему удалось пристроить на эту кухню при моем содействии моего покойного друга и однодельца, убежденного монархиста, проф. истории русского права Сергея Ивановича Тхоржевского (одного из младших братьев известного в эмиграции редактора Парижского "Возрождения" Ив. Ив. Тхоржевского), скончавшегося после многих лет лагерных скитаний по Беломорстрою и БАМ (Байкало-Амурской Магистрале) в осажденном Ленинграде в 1942 году незадолго до того, как я "избрал свободу", до которой не дожид друг моей юности, погибший голодной смертью в городе, где мы оба провели лучшие годы молодости, а затем честной и верной России, а не марксизму, научной работы. Столь же честным ученым был Юрий Александрович Орлов. Да помнят их Господь во Царствии Своем.

Алексей Ростов

можно назвать сильнейшим его изувечением. Следует сказать, что Маркс скорее всего приближался к типу реакционера. И в своих деловых сношениях он всегда предпочитал деятелей реакции либералам.

Однако, лассалеанцы победили в рядах немецкого социализма и так создавалась партия социальной демократии. А германская партия, в свою очередь, подняла весь европейский социализм.

Нельзя не согласиться с тем, что значение политических проблем во всем мире отходит на задний план перед проблемами экономическими; и демократический социализм нигде не имеет сейчас глубокой социальной программы. И только коммунизм обещает быстрое и легкое завоевание социализма. И хотя коммунизм, как идеологическое явление представляет собой лишь обломок левого социализма, повторяющего древний марксизм 40-х г. г., но торжество его во многих странах дает ему, вызывающее опасение, значение. Социализм в девятнадцатом веке пережил три стадии: утопическую, революционную и реформистскую. Из них наиболее тяжкий урон претерпел еще недавно победоносный реформизм. А большевизм, это реакция марксизма сороковых годов, разбитый теоретически, господствует теперь за Железным занавесом. В конце девятнадцатого века любовь к человечеству начала превращаться в ненависть к живым людям. Мирозерцание материализма и атеизма несколько этому не препятствовало, ибо не знало никаких абсолютных мистических запретов. Отличительной чертой нового социализма является освобождение его не только от утопического романтизма, но и от морализма вообще. Он проникнут пафосом не справедливости, а организации, так как заботится не о защите угнетенных, а о сохранении общества в целом, и не совпадает с рабочим вопросом.

Ленин стоит ближе всех к Марксу "Коммунистического манифеста". Но данную Марксом бессодержательную формулу диктатуры пролетариата он наполнил определенным содержанием: полицейским абсолютизмом рабочего государства. Коммунизм хочет совершенно овладеть человеческой личностью и полностью использовать ее в интересах государства. Религия, искусство, наука, семья и пр. — все становится функцией государства.

Что же из себя представляет, выросший из утопического социализма, прошедший столетний стаж и пятидесяти-

Вышла из печати и поступает в продажу
НОВАЯ КНИГА
Н. КУСАКОВ
QUO VADIS, DOMINE?
2-й ВАТИКАНСКИЙ СОБОР И
РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ МЫСЛЬ
Издательство: "Православное слово",
Нью Йорк, США.
С заказами и запросами обращаться:
Orthodox Word
P. O. Box 337, Cooper Sta.
New York, N. Y. — 10003

"La URSS a dos años de Khrushchev"

Отмечая как всегда трагическую годовщину Октября, Аргентинско-Русский Антикоммунистический Институт Культуры в своей е ж е г о д н о й брошюре дает отчет о происшедшем за два последние года.

Брошюра издается, как всегда, на испанском языке и выписывать ее можно от редакции этой газеты и от Института: Касья де Коррео Сентраль 5623, Буэнос Айрес, выслать почтовые марки на оплату пересылки и — при добром желании — в фонд погашения расходов по изданию.

летнюю практику сегодняшней марксизм-ленинизм? Исторический материализм предвещал осуществление своей экономической теории с закономерностью смены формаций, приматом коллективной собственности на орудия производства, мессианизмом рабочего класса... Но современная наука подорвала в основе материалистическую философию. Понятие самой материи утратило прежний смысл. По учению Планка материя исчезает без остатка, превращаясь в энергию. Следующий удар по материализму нанес Бор открытием явления комплементарности. Не смогла быть доказанной закономерность смен экономических формаций. Собственность в СССР нельзя считать социалистической, т. к. она не находится в общем пользовании и самоуправлении. И как последствия идеологического краха, появился НЭП, оставление усадеб и некоторого количества скота колхозникам и признание материальной заинтересованности в своем труде. Промышленность и крупное аграрное хозяйство также работали капиталистическими приемами. Появился новый класс распоряжающихся и приказывающих. И, конечно, не смогли установить справедливое распределение земных благ. Большевики начали с провозглашения полной свободы и пришли к безграничному деспотизму. Вот лицо новой веры, ее воплощение в жизни.

Все сегодняшние протестанты и реформаторы: Снявские, Либермань и другие идут против сегодняшней политики советской власти, но не против самой власти. Они хотят тех свобод, которые, повидимому, присущи человеческому духу, и не могут быть искоренены даже пятидесятилетним выкорчевыванием. Но это означает только распад коммунизма, но не новое слово, не новую жизнь, не новое общество. И все эти реформаторы и протестанты должны когда-то придти к выводу, что реформировать коммунистическую догму нельзя и поэтому нужно думать не о расширении свобод, а о новых целях и путях общественного и государственного бытия.

Что же делает в этом, хотя и неудавшемся, но большую часть земного шара захватившем, опыте создания нового социального и государственного строя человек? Отдельный человек, человеческая личность! Покорило ли тоталитарное государство человека? Смогло ли оно уничтожить-растворить в себе личность?

Можно с уверенностью сказать: нет! И дух "дышет, где хочет..." Но человек до сих пор испытывающий на себе различные социальные эксперименты, живет теперь поистине трагической жизнью. Недавно закончившийся Ватиканский Собор нашел, что: чувство глубокой растерянности и неуверенности охватило современного человека, несмотря на все огромные, кажущиеся совершенно невероятными, последние научные и технические достижения, а отчасти даже и прямой зависимости от них. Человек пробудил силы и возможности, с которыми сам, может быть, не в состоянии справиться; он приобретает власть над окружающим миром и все больше теряет ее над самим собою. Он озадачен, ошеломлен невероятным темпом исторического развития, а смысла и цели и направляющей силы не видит. Часто охвачен он мучительным раздумьем о смысле всей этой эволюции современного мира, о месте и назначении человека во вселенной... наконец, о конечной цели всего существующего, в частности, и человека... Он часто проявляет все большую неуверенность в самом себе. Все ясно открывая законы социальной жизни, он, однако, остается в нерешительности, в какую сторону их направить...

Сейчас в Советском Союзе, как и везде, Христово Евангелие борется с разрушительным учением Маркса. Судьбы всего мира зависят от этой борьбы. И, несмотря на видимое бессилие христианства, только в нем содержатся моральные силы, которые способны строить, а не разрушать. Если не победит христианство, мир обречен на окончательное крушение не только всей культуры, но, может быть, и самого себя.

А. Горбунов

ТИРАЖ "НАШЕЙ СТРАНЫ" ДОЛЖЕН НЕПРЕРЫВНО РАСТИ — ДАЙТЕ ЕЙ !! О В Ы Х П О Д П И С Ч И К О В !

ВСЕ ТЕЧЕТ, ВСЕ МЕНЯЕТСЯ

Жизнь представляет собою вечное движение. Все, что останавливается, перестает двигаться, выпадает из жизненного процесса.

Постоянным переменам подвержены и исторические события, а также руководящие ими правители и вожди.

Год тому назад Индонезия неуклонно подвигалась в направлении превращения в послушного сателлита Пекина. Ее вождь Сукарно проявлял самые дружеские чувства к Мао Дзе-дуну и, по видимому, по его совету повелел своей стране уйти из Организации Объединенных Наций. Все развивалось как будто так, как того хотел Сукарно. Сам он при этом купался в изобилии земных благ, строил дворцы и памятники, путешествовал со всеми современными удобствами по заграницам. Неплохо жили и его соратники, всякие министры и высшие администраторы.

Но в чем-то Сукарно переборщил и чего-то не доглядел. В результате этого, Индонезия сделала резкий поворот, свернула с пути, ведшего ее в коммунистический лагерь, и направилась по дорожке демократии. Сукарно пробовал этому противиться, несколько раз заявлял, что все еще является вождем своего народа, который, будто бы продолжает его поддерживать и любить.

Но народ и особенно студенты добились того, что в последние дни Сукарно неожиданно превратился в сторонника возвращения Индонезии в Организацию Объединенных Наций. С каким зубным скрежетом он это сделал, является неважным. Существенно то, что обстоятельства жизни заставили его повернуться на все 180 градусов.

Был и жил тоже неплохо великий вождь Ганы Нкрума. Он тоже строил дворцы и виллы, предоставлял некоторым из них своим любовницам. Государственные средства он считал своей личной собственностью и распоряжался ими по своему усмотрению. Но на чем-то он тоже поскользнулся и превратился в нашего брата эмигранта, — правда с деньгами, но и с клеймом преступника. Если его поймают нынешние правители Ганы, то посадят за решетку,

ИНСТИТУТ ИЗУЧЕНИЯ РОССИИ

Очередной доклад на испанском языке, проф. В. А. Попова на тему: "Социальный аспект в русской литературе". Доклады будут происходить в Центре Русских Белых (Карлос Кальво 2851). Началось в 19 часов. Вход свободный. Привлекайте на доклад знакомых аргентинцев.

а может и ликвидируют.

В красном Китае тоже не стоит все на месте, а находится в движении. Года три тому назад престиж правительства Мао стоял довольно высоко. В последнее время, однако, какие-то подспудные силы начали потрясать страну. Недавно там началась "культурная революция", проводимая "красной гвардией", состоящей из неопытной зеленой молодежи. Это вызвало значительные перетасовки. Такие вожди, как премьер Чу Эн Лай и президент Лиу Шао Чи оказались отодвинутыми на задний план. На второе же место после Мао выдвинулся маршал Лин Бинао. Безобразия "культурной революции" встревожили коммунистов всего мира. Даже албанские вожди присмирели и наблюдают с удивлением, что творится за "бамбуковым занавесом". Посетившие недавно красный Китай японские политические деятели сообщили, что там творится нечто безумное. Безумие же вряд ли сможет привести к чему-нибудь разумному.

Можно полагать, что не только албанские, но и северо-вьетнамские коммунисты обратили внимание на происходящее в красном Китае значительные внутренние потрясения. Они не могут не понять, что действия "красной гвардии" ослабляют позицию их союзника и покровителя Мао. И это ослабление может довести все дело до чреватых серьезными последствиями изменений.

Кое-какие новшества происходят и в других коммунистических странах. Как известно, марксисты-ленинцы использовали в своей борьбе с капиталистами все доступные им средства, не останавливаясь ни перед чем. Одним из таких средств являлось установление микрофонов в помещениях послов демократических стран, чтобы подслушивать ведшиеся там разговоры. Агенты югославской секретной полиции внесли нечто новое в это дело. Они умудрились поставить такие аппараты даже под кроватку самого Тито. Дело, однако, раскрылось. Получился скандал. Кое-кто пострадал. Но моральная гниль однопартийного общества вряд ли от этого исчезнет.

Не безынтересными являются и события происходящие в СССР. Всем известно, что Россия в прежние времена вывозила за границу большие количества продуктов питания. Кремлевские же красные вожди дошли до того, что в последние годы начали закупать пшеницу, мясо и многое другое у подлежащих ликвидации капиталистов. Кроме того, эти вожди заключили договоры с некоторыми итальянскими и француз-

Советский быт

Радио и телевидение в СССР

(КРС) День радио, как обычно, широко отмечался в советской печати. В этот день в "Правде" появились статьи председателя Комитета по радиовещанию и телевидению при Совете Министров СССР Н. П. Месяцева и министра связи СССР Псурцева, а также отчет о беседе с первым заместителем министра радио-промышленности Г. Казанским. Радио-Москва уделяет им в своих передачах много внимания.

В статьях имеются интересные подробности о развитии радио и телевидения в СССР. Месяцев заявил, например, что московское радио ведет теперь передачи на 65 языках народов СССР и 54 иностранных языках; общая продолжительность передач ежедневно — свыше тысячи часов. Программы центрального радиовещания и телевидения передаются в столицы 12 союзных республик и около ста других крупных городов. По словам Псурцева, с января 1959 по декабрь 1965 года число станций телевидения повысилось с 60 до 185, что свидетельствует о громадном развитии телевидения за последние годы. Количество телевизионных приемников у населения он определяет в 17, а число зрителей в 70 миллионов, наряду с 75 миллионами радиоприемников.

В приведенных цифровых данных заметны некоторые несообразности. В сообщении московское радио, например, (01.00 севр. от 7.5.1966 г.) говорилось, что общая продолжительность передачи составляет ежедневно 1.200 часов. В за-

скими фирмами, которые обязались построить в Советском Союзе заводы для производства автомобилей для подсоветских граждан. Однако, в стране строящегося коммунизма ощущается нехватка не только в автомобилях. Там имеется недостаток тракторов, холодильников, вплоть до гвоздей и иглолок. Возможно, что постройка в СССР автозаводов является только началом. После кремлевские правители начнут заключать контракты с разными фирмами не только Европы, но и Америки, которые приступят к постройке разных фабрик и заводов, изготовляющих все то, чего не достает в царстве социализма. При таком обороте дела, нынешние повелители Кремля действительно могли бы построить коммунизм, притом руками капиталистов, и перегнуть Америку.

Недалекое будущее покажет будут ли события развиваться в таком направлении.

Сергей П.

явлении Месяцева (радио Москва на венгерском языке 18.00 севр. от 6.5.1966 года) председатель Комитета радиовещания сказал, что "в СССР зарегистрировано свыше 15 миллионов телевизоров" и "свыше 80 миллионов радиоаппаратов". Если же сравнить цифровые данные о передачах на различных языках с приведенными в то же время в прошлом году, то окажется, что число передач на национальных языках повысилось на один, а иностранных — на 10 языков.

Что читает молодежь.

"1.000 ответов на один вопрос". ("Московский комсомолец", 1966 год) 1.000 читателей Москвы моложе тридцати лет читают в первую очередь повести Мельникова. Второе место заняли Асанов и Ремарк. Затем следуют Генрих Бель, Юрий Герман, Стейнбек, Джек Лондон, Грэмрин, Золя, Александр Дюма (отец), Ладис, Авдеенко. Среди русских классиков перенятное занимает Лев Толстой, потом идут последовательно Чехов, Куприн, Пушкин, Тургенев, Лермонтов, "Слово о полку Игореве", А. К. Толстой и Достоевский.

Перепись населения.

"Всесоюзная перепись населения" ("Известия", 1 мая 1966 г.). Правительство СССР приняло решение провести в январе 1969 года всесоюзную перепись населения. Переписи населения проводились в СССР четыре раза: в 1920, 1926, 1939 и 1959 годах. Это будет пятая общесоюзная перепись населения. Среднегодовой прирост населения с 1959 года составил 3,3 миллиона человек. Сейчас в Центральном Статистическом Управлении началась подготовка к переписи.

Советский журналист о русской эмиграции в Америке.

(КРС) Группа советских журналистов, представителей молодежных газет и журналов, по приглашению лидеров организации "Эксперимент международной жизни" побывала в Нью Йорке. По сообщению ЮПИ, группа, состоящая из 25-ти журналистов, вылетела из Москвы 29 ноября 1965 года. Экскурсия по Америке продолжалась 21 день.

Участник поездки Азад Шарифов, бывший редактор газеты "Молодежь Азербайджана", в очерке "По Америке. Из блокнота журналиста" ("Комсомолец Туркменистана", 2,5 и 9 апреля 1966 года) делится с читателями впечатлениями о встречах с представителями русской эмиграции.

Так, с редакцией "Лайф" членов делегации знакомит "веселый и толстый дяденька лет 50-52, который представился как бывший минский гражданин по имени Вовочка". Журналисты

С. Л. Войцеховский

НОЧНОЙ РАЗГОВОР

В 1951 году, в живописном Уберлингене, над Боденским озером, появилась книга немецкого писателя Эдвина Эриха Двингера о Власове. Эпиграфом к ней послужили слова казненного большевиками генерала:

— Победить Россию могут только русские.

Год спустя, в Штутгарте, Юрген Торвальд напомнил немецкому народу, что случается с теми, кого боги лишают разума. В книге, озаглавленной: "Кого они хотят погубить...", он рассказал трагедию власовского движения и обвинил Гитлера в непонимании его военного и политического значения.

В отличие от Двингера, который знал Власова, мог вспомнить свои разговоры с ним, но прибавил собственный домысел, Торвальд собрал документы и показания свидетелей, написал не роман, а достоверный исторический труд.

Я знаю Торвальда только как автора потрясающего описания последних поражений национал-социалистической Германии и таких увлекательных произведений, как "Век хирургов", но с Двингером мне пришлось встретиться. Я его не забыл.

*

Война Германии с большевиками вызвала в Варшаве, где я был председателем Русского Комитета, короткое и непрочное затишье. После кровавых стычек между немцами и польскими подпольными организациями, после стрельбы и облав на улицах города, по-

сле полутора лет террора и контртеррора, немцы и поляки, летом 1941 года, были одинаково потрясены походом Гитлера на Восток. Их желания были противоположны, но впечатления одинаковы. Молниеносное наступление германских дивизий, сказочное число захваченных в плен красноармейцев вскружили немцам головы, оразились на поляках смущением и унижением. Только немногие понимали, что Смоленск и Киев — не вся Россия. Поражение Сталина казалось окончательным. Упоенные успехом немцы ослабили в Варшаве репрессии. Поляки готовились к саботажу в немецком тылу, но еще не приспособились к новому положению.

В ноябре настроение изменилось. Неудача немцев под Москвой показала, что об их скорой победе речи быть не может. Робко и неуверенно, поползли слухи о страшном русском морозе, о недостаточном снабжении немецких войск зимней одеждой, о неизбежности долгой борьбы с неизвестным исходом. Заговорили и о том, что отношение немцев к населению занятой ими русской территории не отличается от отношения к полякам, что оно, пожалуй, хуже. Точных сведений не было. Правда была скрыта расстоянием и скудостью достоверной информации.

*

В один из этих дней временного успокоения и тревожных сведений с Востока, в самом начале 1942 года, Х. спросил по телефону, может ли он привез-

ти ко мне писателя, который едет из Берлина в Минск и хочет со мной познакомиться. Я ответил приглашением на тот же вечер.

Х. был немцем. Он принадлежал к поколению, пережившему в детстве позор Версальского мира и выросшему в веймарской республике. Это поколение презирало власть, навязанную Германией пражением. Свастика стала для него символом национального возрождения.

Как многие молодые немцы, Х. полюбил Гитлеру. К национал-социализму его привлекала не нужда, а патриотизм. Он происходил из бюргерской, обеспеченной семьи, которой в годы разорительной инфляции удалось спасти свое достоинство. Он благополучно окончил университет и успешно занялся адвокатурой.

Война вырвала его из берлинской канцелярии, из уютной квартиры, где о нем, как о холостяке, заботилась мать. Война бросила его в Варшаву, но не в строй, а в одно из безобидных учреждений оккупационной власти — в управление по делам национальностей и общественного призрения. Там я его впервые увидел.

**

Крушение Польши было для русских варшавян катастрофой. Оно нарушило налаженную жизнь, многих лишило заработка, а некоторых и крова. Тревожнее этих житейских перемен было приближение советской границы. Внезапно, она оказалась рядом, на Буге. Она отрезала Варшаву от Виленщины, Пolesья и Волинии, где у жителей польской столицы были семьи, друзья, имущество. Она показала, как велика опасность, которую варшавяне, после двух десятилетий мирного существования не-

зависимой Польши, постепенно стали забывать.

До войны русское население Польши было разделено на две части. Первая состояла из польских граждан, пользовавшихся, хотя бы на словах, политическим равноправием. Она была представлена в Сейме единственным русским депутатом, Б. А. Пимоновым. Вторая не имела ни гражданства, ни прав. Она жила в Польше по нансеновским паспортам. Их срок был ограничен двумя годами. Приходилось своевременно просить польские учреждения о продлении. Отказов почти не бывало, но положение эмигрантов оставалось непрочным. Их передвижение было ограничено чертой оседлости. Въезд в восточные воеводства был воспрещен и допускался только с особого разрешения.

Несмотря на это, жилось в Варшаве, даже эмигрантам, не плохо. Страна дышала изобилием. Случайные профессии, распространенные, например, среди русских парижан, были исключением. В русской колонии было немало старожил: или их детей, связанных с Польшей давними узами. Война ударила по ним так же, как по полякам.

**

Разрушительная осада, стремительный распад государства и сокрушительная победа Германии создали понятную растерянность. Из русских организаций только одна — Российский Общественный Комитет — устояла на ногах. Как только перестали падать бомбы с самолетов и прекратился артиллерийский огонь, она распахнула двери перед каждым, кто нуждался в помощи. Она стала центром, к которому потянулись не только эмигранты, но и польские граждане, называвшие себя русскими нацио-

жили в одной американской семье, где их посетил старик "из числа бывших бело-эмигрантов", который вместо того, чтобы переводить разговор с хозяевами, забросил советских гостей вопросам о Москве, Ленинграде, жизни в Советском Союзе.

Советские журналисты посетили Принстонский университет и побывали на уроке русского языка, который вела "самоуверенная госпожа Людмила Константиновна". Шел грамматический разбор предложений по "Матрениному двору". По мнению автора, в своих комментариях к произведению учительница занималась антисоветской агитацией. Когда журналисты обратились к Людмиле Константиновне с вопросом, зачем она "забивает головы молодых людей такой чепухой", то "она пыталась загладить свою вину..."

В этом университете есть "Русский клуб", которым руководит П. Родзянко, внук "ярого врага Советской власти", бывшего председателя Государственной Думы М. Родзянко. Руководитель "Русского клуба" пригласил членов советской делегации на дискуссию на тему "Куда идет советское государство?"

Приглашение приняли четыре советских журналиста. Первым выступил профессор Магнитского университета господин Первушкин на тему: "Развитие советской литературы и взаимоотношения с государством". Профессор говорил о том, что "русские писатели и поэты всегда были в оппозиции ко всем общественным формациям в стране". Затем выступил майор ВВС США, имя которого не назвали, и пытался "доказать, что Советский Союз является агрессивным обществом..." У журналистов была переводчица Танечка, тоже русского происхождения.

Печатание очерка Шарифова еще не закончено.

Удручающая правда о Соловках.

(КРС) Сейчас по всему Советскому Союзу идет кампания за сохранение памятников старины. Уже создано общество по их сохранению, разработаны планы по реставрации наиболее ценных памятников и предприняты первые конкретные шаги. Так об этом сообщает печать.

Партии и правительству вдруг понадобилась русская история. Мол, молодежь вырастает "дикая", не умеющая ценить историю своего отечества, лишенная привязанности к родному очагу. Нужны срочные меры, конкретные шаги, которые выправили бы положение, заставили бы молодежь любить отечество.

С другой стороны — сама молодежь не хочет быть больше безродной, не знающей истории собственного народа.

Такой молодежи — патриотически настроенной — не очень много, но она в сегодняшней кампании играет значительную роль. Здесь уместно вспомнить автобиографию художника Ильи Глазунова, опубликованную в журнале "Молодая гвардия". Илья Глазунов, как и многие его сверстники, подробно описывает, как он сам нашел Россию, как пришел к ней, вопреки всему тому, чему его учили в школах, что он читал в газетах и слышал с трибуны.

Казалось бы, раз партия хочет сохранить памятники культуры и вернуть народу его историю, раз в этом деле у нее есть помощники в лице наиболее сознательных молодых людей, — дело пойдет быстро и успешно. Однако, дело не идет. Об этом свидетельствует рассказ А. Солженицына "Захар-Калита", в журнале "Новый мир" № 1 за 1966 год. А. Солженицын побывал на Поле Куликовом и не нашел там никаких признаков того, чтобы местные власти позаботились о сохранности уцелевших памятников на месте боя татар с русскими. А ведь печать сообщала, что местные власти предпринимают энергичные шаги, чтобы сохранить эти памятники.

Еще более удручающим свидетельством того, что дело не идет, служит большая статья писателя Юрия Казакова "Соловецкие мечтания" в "Литературной газете" от 13-го сентября 1966 г.

Юрий Казаков, как и Илья Глазунов, принадлежит к числу тех людей, которые хотят знать историю родного народа, любить не только настоящее, но и прошлое.

Впервые Юрий Казаков побывал на Соловках десять лет тому назад. Результатом этой поездки явились очерки о русском севере, полные любви и... горечи.

В текущем году Юрий Казаков вновь побывал на Соловках, и пришел в смятении от того, что он там увидел.

Вот, что увидел на Соловках Юрий Казаков десять лет тому назад:

"Монастырь — разрушен, изъезжен, ободран, и потому — страшен. И долго в смятении, в горестном недоумении, в злости ходил я вокруг монастыря, а он мне выставлял в смрачении обшарпанные стены церквей, дыры какие-то, обваливающуюся штукатурку, как после вражеского обстрела, как раны — это и были раны, но сделаны они были "сынами отечества", речь о которых будет впереди".

А что увидел Юрий Казаков на Соловках сейчас, десять лет спустя? Вот каким предстал перед ним монастырь:

"По монастырю страшно ходить. Все лестницы и полы сгнили, штукатурка обвалилась, оставшаяся еле держится.

Все иконостасы, фрески уничтожены, деревянные галереи сломаны. Купола почти на всех церквях разрушены, крыши текут, стекла в церквях выбиты, рамы высажены. Прекрасных и разнообразных часовен, которых было много возле и внутри монастыря, теперь нет. Во дворе монастыря висят на деревянной перекладине два уцелевших монастырских колокола. Один из них весь избит пулями. Какой-то "сын отечества" забавлялся, стреляя по колоколу из винтовки, — наверное, звон был хорош!"

Не пожалели "сыны отечества" и гробницы Авраама Палицына — сподвижника Минина и Пожарского. Кто-то нацарапал на уцелевшей могильной плите свою фамилию.

Юрий Казаков обвиняет печать, которая не пишет правды о Соловках, бодрых репортеров, говорящих о красной природе Соловков, но ни словом не упоминающих о страшных разрушениях всей культуры архипелага. Обвиняет он и местных руководителей, которые говорят, что приводят в порядок монастырь и другие памятники культуры, в действительности же ничего не делают.

"Потому что если бы хотели превратить Соловки в музей-заповедник, в гордость не только Архангельска, но и всей нашей страны, давно бы сделали это, не дожидаясь выступлений в центральной печати".

Побывал Юрий Казаков и на Анзерском острове. И здесь он нашел только "мерзость запустения". Обнаружив на острове один уцелевший скит, Юрий Казаков направился к нему. Но опять разочаровался:

"Все было как после войны, как после нашествия марсиан, — мертво, пусто, ни души кругом, одни мерзостные следы запустения и какого-то извращенного разрушительства".

А ведь когда-то этот край был светочем русского севера, центром культуры.

"Сколько столетий теплилась тут жизнь, ежевечерне плавал над морем и озерами колокольный звон, сколько зим пережил этот скит, вознося струйки дыма к небу, сколько весен и белых ночей! И вот теперь конец и смерть? Кому же понадобилась эта смерть, кому от нее стало легче жить...?"

Пока на Соловках хозяйничали монахи — там все было: процветало хозяйство, процветала культура. Теперь на Соловках нет ничего. Нет даже рыболовецкой артели, которая могла бы накормить рыбой местных жителей. Вместо свежей рыбы в магазинах продают трехлетней давности селедку, пойманную возле берегов Ньюфаундленда.

Юрий Казаков никак не может понять, зачем надо было исключать Со-

ловки из жизни, из экономики области и страны? Неужели только потому, что стены монастыря были выложены монахами?!

В заключение Юрий Казаков пишет: "Соловки нужно спасти! Потому что советскому человеку нужна история. Нам просто необходимо иметь перед глазами деяния наших предков, далеких и близких, потому что без гордости за своих отцов народ не может строить новую жизнь".

ЖИЗНЬ И ПРАВЫ

(КРС) По инициативе Вадима Кожевникова, автора статьи о "Советском этикете" в "Литературной газете" от 16-го августа 1966 года, "Литературная газета" начала публиковать на эту тему материалы под рубрикой "Жизнь и нравы".

Кожевников начинает свою статью так:

"Мне бы хотелось в этой статье заставить звучать современно и свежо одно словосочетание, которое многим, возможно, покажется сегодня старомодным, устаревшим. Я имею в виду **хороший тон**. В дни юности наших отцов это словосочетание было в постоянном обиходе и не заключало в себе проницательного или даже шуточного оттенка.

Нужен ли хороший тон нашему сегодняшнему советскому демократическому обществу, которое в социальном отношении не имеет, разумеется, ничего общего с тем, старым?

Время от времени возникает схоластический спор: надо ли воспитывать у молодых "автоматизм вежливости"? Не породит ли этот автоматизм лицемерия? Что лучше: чистосердечная фамильярность, "искренняя" невоспитанность или "автоматическая вежливость", за которой, возможно, ничего не скрывается? Лично я не вижу ничего дурного в том, что мужчина, например, "автоматически" уступает женщине место в автобусе или метро. Подобный автоматизм, несомненно, не унижает человеческого достоинства. Вовсе не обязательно, чтобы любое элементарное действие (скажем попытка поднять с пола то, что уронил твой сосед) было результатом сложных душевных движений.

Разве редко встречаются хорошие, душевно чистые юноши и девушки (а часто и люди старшего поколения), которые элементарно не умеют себя вести?"

Автор говорит дальше, что за последнее время немало внимания уделялось в защиту чистоты русского языка и, что не стоит ли также бороться за чистоту советских нравов. Он добавляет:

"Я сейчас не случайно заменил слова "хороший тон" более емким и энергичным определением: **нравы**. Поведение

нальным меньшинством. Из нее, как из зерна, вырос в 1940 году Русский Комитет, ставший представителем всего русского населения и избравший меня председателем.

Немцы не сразу обратили внимание на существование этого населения. Они не стали преследовать тех, кто в первые дни войны стал на сторону поляков. Так, например, не пострадали редакторы варшавского русского журнала "Меч" В. В. Бранд и Г. Г. Соколов, призвавшие читателей к защите Польши от Германии. Бранд скончался в 1942 году в Смоленске как посланный туда Национально-Трудовым Союзом организатор и пропагандист. Соколов благополучно пережил войну, пошел после нее на службу к коммунистам, стал по их назначению председателем русского советского Общества в Польше и кончил тем, чем обыкновенно кончают сменовеховцы — тюрьмой и забвением.

Это отношение немцев к русским полонифилам не было исключением. Племянник Петлюры, депутат Скрыпник, в день объявления войны обещал в Сейме полякам верность и помощь украинцев. Немцы его не тронули. После занятия ими Волыни, он стал там православным епископом-автокефалистом, а теперь, как архиепископ Мстислав, управляет украинской консисторией в Нью-Йорке.

Немцы вначале ограничились тем, что предложили всем благотворительным и просветительным организациям в учрежденном ими краковском генерал-губернаторстве прекратить свое существование и образовать национальные самоуправления, лишённые каких бы то ни

было политических прав. Первым возник польский Главный Попечительный Совет, председателем которого по поручению Германии был граф Роникер. Так были основаны Комитеты: русский, кавказский и украинский, а затем еще два — белорусский и татарский. Белоруссов возглавил врач, д-р Николай Щорс, литовских татар и остальных магометан — Абдул-Гамид Хурамович.

Положение польской организации стало очень трудным, когда немцы перешли от первоначального притеснения поляков к гонению на них, к истреблению молодежи и интеллигенции. В этой жестокой обстановке, национальные Комитеты, за исключением украинцев, благогозумно выдержались от всего, что могло навредить на них ненависть поляков. Поэтому, они благополучно дожили до польского восстания, которое началось в Варшаве 1-го августа 1944 г. За неделю до него, поляки негласно посоветовали мне ускорить уже начатую при приближении советских войск эвакуацию русских варшавян и скопившихся в городе новых эмигрантов. Этот совет помог мне во-время уехать из Варшавы.

Председатель Украинского Комитета, полковник Поготовко, был уличен поляками в связи с немецкой полицией и расстрелян в своей же канцелярии. Немцы, с которым он говорил по телефону, когда это случилось, услышал выстрелы.

После этого убийства, руководство украинцами в генерал-губернаторстве сосредоточилось в Кракове. Там возглавляемым Украинского Комитета был профессор Кубийович, называвший себя "провидником", то есть вождем. Он был

географом австрийской выучки. На составленных им картах Украина граничит с Вислой и Каспийским морем. Эти карты, вероятно, можно найти в той первой украинской энциклопедии на английском языке, которая была издана, под его редакцией, в Канаде, в 1965 г.

**

Комитеты подлежали надзору управления по делам национальностей. Надзор был поверхностным и формальным. Он становился придирчивым только тогда, когда приходилось хлопотать об освобождении арестованных. Немецкие учреждения, занимавшиеся арестами, зависели от Берлина, а Краков и Варшава ревниво оберегали свой бюрократический суверенитет и, порой, не допускали прямых обращений к тем, от кого зависела судьба заключенных. Поэтому, благожелательность того учреждения, где служил Х., значила много. Председатель кавказцев, умный и тонкий дипломат д-р Алишбая, не поладил со второстепенным чиновником и должен был уступить место князю Накашидзе.

Х. имел сослуживцу — эффектную, голубоглазую блондинку, дочь рижских немцев, жену пропавшего без вести польского офицера. До войны, она была связана в Варшаве с русским просветительным начинанием и превосходно говорила по-русски и по-польски.

Она помогла Х. разобраться в запутанном наследстве польской политики, в ее отношении к национальным меньшинствам и к эмигрантам. Она стала сперва его незаменимой помощницей, а затем и женой. Победы Гитлера в Норвегии, во Франции и на Балканах поразили ее воображение, воспламени-

ли немецкий энтузиазм, которым она, может быть, хотела искупить свой первый брак с поляком. Впрочем, она была человеком сострадательным и добрым. В те трудные годы, такой человек в немецком учреждении был для Русского Комитета находкой.

**

Из скромных комнат, в которых война застала Российский Общественный Комитет, он переехал весной 1940 года в прелестный особняк графа Тышкевича на аллее Роз. Его владелец, женатый на падчерице великого князя Николая Николаевича, охотно подписал контракт с русскими эмигрантами. Под квартиру председателя и мою личную канцелярию был снят этаж законченного перед самой войной барского дома на Вейской улице. Я знал эту часть Варшавы с детства.

Наискосок, с балкона, я мог увидеть окна, за которыми в младенчестве играл с детьми В. К. Гловацкого, друга и однополчанина моего отца. За углом были ворота, из которых нянька вывозила меня по утрам на прогулку в Уяздовские аллеи. Дальше, за великолепным парком королевских Лазенок, стояли казармы Уланского Его Величества полка, в который мой отец вышел корнетом из училища. Все, вокруг моей новой квартиры, напоминало не только детство, но и невозвратную связь Варшавы с Россией.

Она сама — эта квартира — была осколком старой России. Днем, когда в приемной толпились посетители, в канцелярии стучали машинки и в кабинет проникали отголоски тревожной и опасной жизни, ее русский облик времен-

человека в обществе: на улице и в семье, на работе и в театре, с незнакомыми людьми и с любимыми друзьями — и создает картину или картины нравов времени. Может быть, стоит в "Литературной газете" время от времени публиковать статьи под рубрикой, которую сейчас назову условно "Жизнь и нравы"?

Не говорю уже о том, что несомненно нужны популярно написанные, издаваемые массовыми тиражами книги, посвященные этим вопросам. У нас крайне мало книг, рассказывающих молодому читателю, как нужно себя вести в метро, в гостях, на работе и т. д.

Не учат этому и в наших школах. А не стоит ли начинать даже с детских садов: ведь ученые сегодня утверждают, что человеческая личность, весь ее эмоциональный мир и навыки, формируется особенно устойчиво в возрасте трех-пяти лет.

Позволю себе употребить еще одно старомодное слово: **этикет**. Мы часто, иногда даже без надобности, повторяем известную чеховскую мысль о том, что в человеке все должно быть прекрасно: и лицо, и одежда...

На улицах наших городов, в театрах, на стадионах трудно не заметить, что люди стали гораздо лучше одеваться: изящно, современно и со вкусом. Вокруг нас немало умных, красивых лиц. И в то же время вас толкнут, почти ударят, не извинившись, отскочит локтем девушку, не уступят дорогу ребенку...

Я сейчас веду речь не о хулиганах. Не сомневаюсь, что после недавних известных решений партии и правительства воздух наших городов и сел станет намного чище. Но нам надо решительно избавляться и от "простой" грубости нравов. И тут уж нужны не законодательные акты, а кропотливая, умная и энергичная воспитательная работа. Работа, к которой будут привлечены все наши организации, вся наша общественность.

"Литературная газета" от 27-го августа сообщает о живом интересе, проявленном широким кругом читателей к статье "Советский этикет". В редакцию посыпались письма от лиц самых различных слоев общества с практическими предложениями и интересными жизненными наблюдениями.

По мнению автора одного письма, Н. Кладо, в человеке нужно воспитывать желание хорошо себя вести. Он говорит:

"Хороший тон становится для них потребностью. Надо признаться, что искусство и литература делали далеко не все для улучшения нравов."

но затемнялся. Вечером наступала тишина. Служащие расходились, только у входа оставалась охрана. Во многих комнатах гасился свет. Шумное учреждение становилось на ночь частным жилищем, русским островом, уцелевшим в революционной буре.

В каждой комнате, в углу, как полагаются, висели образа — те иконы, перед которыми до меня молились мои дела. Сидя за письменным столом, я видел на стене большой, во весь рост, портрет Николая I в резной, золоченой раме. Он был изображен на поле битвы, но в лосинах и ботфортах, с андреевской лентой через плечо, с треуголкой в руке. Ее плюмаж развеивался по ветру. В столовой, — портрет его правнука, в красном доломане и белом ментике, отражался в огромном зеркале, висевшем над буфетом. Я тогда не предвидел, что через двадцать лет эти изображения русских венценосцев спасенные из Варшавы украсят Дом Свободной России в Нью Йорке.

Справа от царского портрета, в столовой, на полках застекленной горки были разложены русские ордена и медали. Над ними сказочные павлины распускали белые хвосты на фарфоровой вазе, изготовленной по датскому образцу в России императорским заводом в честь скандинавской принцессы, ставшей русскою императрицей. Справа, акварель знаменитого художника, на которой добрый молодец в парчевом кафтане и собольиной шапке, поднимая губам цветущую розу, улыбался красной девице в ярком сарафане.

В этой русской обстановке Х. познакомил меня с Двингером.

КОМИТЕТ

РОССИЙСКОЙ КОЛОНИИ

СОЮЗ

РОСС. АНТИКОММУНИСТОВ

ДЕНЬ НЕПРИМИРИМОСТИ

чтобы выявить наше национальное единение в непримиримости к коммунизму, душителью России, Русские люди приглашаются на открытое со-

брание в Корпусном доме (Бажестер, ул. Сан Мартин 344)

6-го ноября в 4 часа пополудни.

Доклады: "ВНУТРИ С.С.С.Р." и "С.С.С.Р. ВО ВНЕ".

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ФИЛЬМ

25 ЛЕТ СЦЕНИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И. Н. ЛАНСКОЙ

В воскресенье 30-го октября с. г. ровно в 16 часов в салоне "Консехо де Мухерес" (ул. Чаркас 1155) группой артистов будет представлена пьеса А. Н. ОСТРОВСКОГО

"ТАЛАНТЫ И ПОКЛОННИКИ"

в постановке И. Н. ЛАНСКОЙ

Участуют: г-жи Е. Гачинская, Т. Гесс, И. Ланская и г-да А. Ведов, Г. Губарев, А. Лыгин, А. Плищенко, Ю. Филичев, М. Чурилов. Ассистент режиссера Е. Гачинская, пом. режиссера Т. Плищенко, суфлер Т. Григорьева

Предварительные заказы по тел. 797-3089 и 791-9749.

Простят публику не опаздывать на спектакль.

Юбилейный Комитет под председ. Д-ра В. М. Зызыкина

ДОКТОР

Кира Николаевна

КОЛДОМАСОВА - БАУМГАРТЕН

п р и н и м а е т

по пятницам от 18 до 20 час.

по субботам от 16 до 18 час.

AMENABAR 4156 CAPITAL

Новый телефон 701-8413

Как еще часто неплохие ребята стыдятся проявления хороших чувств, потребности в ласке, любви, даже потребности в вежливости, предупредительности, считая все это проявлением мещанства. И повинна в этом в какой-то степени и литература. Невежливость, расстрепанность, пренебрежение нормами поведения более эффективны, и как уверяют некоторые писатели и кинематографисты: "ничего" — не порок, а издержки возраста. Инфантильность воспевадается больше, чем достоинство и зрелость поведения."

Гости приехали поздно. Как он это делал часто, Х. привез не только писателя, но и свою жену. На нем был темный пиджак. Только незаметный, круглый значек в петлице выдавал принадлежность к партии. Двингер — невысокий, коренастый, с первым признаком проседи в темных волосах над живым, выразительным лицом, более южным, чем германским — появился в непонятном мундире, не военном и не партийном, с себрюным жгутом вместо погон.

Х. назвал его другом и вскользь упомянул его звание прусского академика. Он прибавил, что некто в Берлине, сохраняющий инкогнито, встревожен положением в России. Москва не была взята в прошлом и вряд ли будет взята в этом году. Сопrotивление советской армии ожесточилось. Население, встречающее немцев хлебом и солью, помогает красным партизанам. Некто хочет знать, почему это случилось. Двингер должен побывать на советской территории и, вернувшись в Берлин, сообщить свое мнение.

В то время, когда малейшее сомнение в победе Гитлера называлось преступлением, когда любое неосторожное слово могло стоить жизни, это начало разговора было доказательством безграничного доверия. Я спросил Двингера, понимает ли он по-русски. Он ответил, что побывал в русском плену в Первую войну, на которую пошел из Баварии добровольцем.

**

В доме было тихо и так же тихо было на улице. Домоправительница, пожилая полька, знавшая пять поколений семьи — от моего деда до моей ма-

ЗУБНОЙ ВРАЧ
Dra. PISAREDICH de HORNBAIN
Docenta de Facultad de Odontologia
ДОКТОР МЕДИЦИНЫ
(говорит по-русски)
Специальное лечение корней зубов.
Бор - машина Ultrasonico.
Искусственные зубы.
Рентгеновские снимки.
Прием ежедневно от 15 до 20 час.
Boulogne Sur Mer 541, p. 2, dpto. H Capital T. E. 88-8605
(Один квартал от станции субterraneo "Пуэярредон" по линии Федерико Лакросе).

ССУДО - СБЕРЕГАТЕЛЬНАЯ КАССА

Информацию о вступлении в члены ССУДО - СБЕРЕГАТЕЛЬНОЙ КАССЫ можно получить каждую пятницу от 19 до 21 час. в канцелярии Кассы находящейся на ул. Карлос Кальво 2851 (третий этаж).

НАША СТРАНА

ОРГАН МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

NUESTRO PAIS

Organo Monárquico Ruso

Editor-Director

VSEVOLOD DUBROWSKY

MONROE 4219, Dep. 10

BUENOS AIRES (30)

T. E. 52-7426

ПРЕДСТАВИТЕЛИ

AMERICA DEL SUR:

Brasil: Leo Rubanov, Caixa postal 8405, Correio Central, Sao Paulo.

Chile: Sr. A. E. Terehoff, J. M. de la Barra 468, Santiago de Chile — Tel. 35-958 (Foto Real).

Venezuela: Ing. P. Sheremetiev, Urb. Horizonte. 4 Transversal. Parcelamiento "La Estrella" 12. Caracas.

Paraguay: Sr. B. N. Ern, Casilla de Correo 363. Asunción.

Uruguay: Sr. A. E. Gerzenstein, Joaquín Requeina 1654, ap. 2. Montevideo.

U. S. A.

Russian Book Store "Russ", M. S. Kingstone, 443 Balboa St., San Francisco 18, Calif.

Mrs. M. S. Kingstone, 11 Wolfe Ave., San Rafael, Calif.

Mr. A. Klushkin, 196, 6th Ave., Apt. B, San Francisco 18, Calif.

CANADA

Mr. A. Alpatoff, 3747 Coronet Road, Apt. 3, Montreal 26, P. Q.

Mr. B. A. Romanovsky, 12036-90 Str., Edmonton, Alta.

EUROPE

England: Mrs. E. A. Baratchevsky, 23 Alder Grove, London N. W. 2.

France: Mr. A. Krivocheieff, "Kama" 27, rue de Villiers, Neuilly s/Seine, Seine.

Westdeutschland: Herr S. Tovstoles, Hamburg - Gross - Borstel, Beerboomstücken 29/I, Wohn. 2.

Greece: Mr. E. Koslovsky, rue Dedalou 26, Athenes.

AUSTRALIA

Mr. Eugen Fest, 129 Charles Str., Northcote, Vic.

Mr. M. P. Hatlow, 64 Longlands st., E. Brisbane, Q.-d.

ленькой внучки — спала. Моя жена заваривала то крепкое, душистое кофе, которое способствует долгой беседе.

Мы одинаково понимали, что настали роковые дни. Мы одинаково были встревожены, хотя причина была, конечно, разной. Мои собеседники были немцами. Их волновала судьба Германии. Мне Россия была дороже, но мы одинаково знали, что победа Сталина, если она суждена, пронесется, как смерч, не только над Германией, но и над русским народом, над русской эмиграцией. Никогда, ни на одно мгновение, ни до, ни после войны, я не разделял иллюзий тех, кто верил в перерождение советчины. В зловещей тишине варшавской зимней ночи мы разное смотрели на национал-социалистическую Германию, но одинаково предвидели, что нам сулит торжество коммунистов.

Я рассказал недавнюю поездку в Берлин и безуспешную попытку найти там людей, понимающих, что поведение немцев в России ведет к катастрофе. Я сказал то, что впоследствии повторил генерал Власов — покорить Россию невозможно, победить коммунизм могут только русские.

Мне не пришлось тратить время на доводы. Двингер схватывал слова на лету, поддерживал меня каждый раз, когда Х. возражал только для того, чтобы не видеть пропасти, к которой мы его подвели. Жена Х., долго слушавшая нас внимательно и молча, неожиданно вмешалась в разговор. Она, очевидно, не могла примириться с крушением мечты. Ей трудно было признать, что Германия зашла в тупик.

— Русский народ, — сказала она, — истощен коммунистическим террором.

Его правящий слой истреблен. Без немецкой помощи Россия никогда не справится с устройством новой жизни.

Она верила в то, что говорила. Русские эмигранты не были, в ее представлении, врагами.

— Подумайте, как это было бы прекрасно, — воскликнула она, — мой муж мог бы стать, например, сибирским генерал-губернатором, а вы, господин Войцеховский, его помощником...

Предвкушение этого счастья вспыхнуло в ее глазах. Они потухли под укоризненным взглядом мужа. Может быть, она невольно выдала то, о чем и он мечтал, когда немецкие армии неудержимо катились на Восток, но в эту ночь он понял, что предлагать мне, в моем доме, перед портретом русского монарха, положение немецкого чиновника в недостижимой Сибири смешно и неприлично. Бестактность жены его расстроила. Он попробовал ее заглянуть, обратившись к Двингеру:

— Вот, кстати, о Сибири... Вы там побывали... Скажите, вам там было очень тяжело?

Немецкий писатель, которому в Германии далекая Сибирь казалась, может быть, когда-то страной кнута и каторги, отмахнулся от Х., как от назойливой мухи.

— Ах, бросьте, — ответил он раздраженно и на мгновение замолчал. Потом, другим голосом, прибавил восторженно и убежденно:

— Поверьте мне, господа... Кто не знал прежней России, тот не знал счастья...

С. Л. Войцеховский

Июнь 1966 года.
("Наши Вести").